

07.00.03 Всеобщая история

УДК 297, 327, 93/94

DOI 10.22311/2074-1529-2020-16-4-99-116

А. О. Победоносцева-Кая

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

«МУКРИНСКИЕ КУРДЫ» О. Л. ВИЛЬЧЕВСКОГО: ЧТО И ПОЧЕМУ БЫЛО УДАЛЕНО ПЕРЕД ПУБЛИКАЦИЕЙ?

ПОБЕДОНОСЦЕВА-КАЯ Анжелика Олеговна –

канд. ист. наук, ассистент,

Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет

(199186, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–11).

E-mail: apobedonostseva@gmail.com

Аннотация. В статье на основании сравнительного анализа двух разных вариантов этнографического очерка О. Л. Вильчевского о мукринских курдах поднимается вопрос о влиянии политики на полноту научных публикаций. Поводом к написанию настоящей работы послужили архивные исследования, в ходе которых было установлено, что помимо опубликованного в 1958 г. очерка «Мукринские курды», существует и более ранняя его версия — машинопись «Мукринский Курдистан», датированная 1955 г. и находящаяся на хранении в Научном архиве Музея антропологии и этнографии Российской академии наук. В основе этих работ Вильчевского — материалы, собранные им во время кратковременных командировок в район Мукринского Курдистана, куда военное ведомство направляло его в качестве эксперта по курдскому вопросу в период с 1942 по 1946 г. Как показал сравнительный анализ текстов машинописного варианта и опубликованного очерка, в последнем отсутствует ряд ценных с точки зрения содержания фрагментов, своего рода тематических блоков, которые касались закрытых в то время тем. Так, из первоначального варианта текста были изъяты фрагменты, где говорилось об определенных аспектах межконфессионального взаимодействия в Мукринском Курдистане (т. е. в Мехабаде), описания встреч Вильчевского с курдскими

лидерами и активистами. В рамках проведенного исследования была также сделана попытка проанализировать проблемы с публикацией очерка, обусловленные участием О. Вильчевского как советского офицера в реализации внешнеполитических задач СССР на Ближнем Востоке в 1942–1954 гг. Автор «Мукринских курдов», несомненно, стремился к научной объективности, но в тексте очерка были сделаны существенные купюры — им самим или иными ответственными лицами из соображений политической целесообразности. Это позволяет поднять концептуальный вопрос о субъектности или автономности ученого, находящегося на службе у государства, — проблему, которая осталась не рассмотренной в известной работе Э. Саида о связи политики и науки в контексте исследований по Ближнему Востоку.

Ключевые слова: СССР, Иран, Мехабад, Мукринский Курдистан, Кази Мухаммад, Ближний Восток, курды, курдское национальное движение, курдоведение.

Для цитирования: *Победоносцева-Кая А. О.* «Мукринские курды» О. Л. Вильчевского: что и почему было удалено перед публикацией? // *Ислам в современном мире*, 2020; 4: 99–116;

DOI: 10.22311/2074-1529-2020-16-4-99-116

Статья поступила в редакцию: 15.10.2020

Статья принята к публикации: 01.12.2020

Проблема влияния политической ангажированности ученого (например, вследствие его аффилированности с государственными и политическими структурами) на объективность его научной деятельности и ее результатов применительно к исследованиям Ближнего Востока обсуждается не первое десятилетие. Острая полемика вспыхнула после выхода известной работы Э. Саида «Ориентализм»¹, а также вследствие расширения сферы постколониальных исследований. Отвечая на нее, Р. Ирвин заметил, что, ангажированность не помешала западному (а к нему он причисляет и израильское) востоковедению достигнуть высокого концептуального уровня².

Настоящая статья представляет собой попытку продолжить данную дискуссию, рассмотрев одну из знаковых работ советского курдоведения — очерк О. Л. Вильчевского о мукринских курдах. Судьба работы, отражающая во многом судьбу ее автора, прекрасно иллюстрирует проблему столкновения принципов научной объективности и политической целесообразности в советском обществе и государстве.

¹ *Said E. W.* Orientalism. New York. Pantheon Books Publication, 1978. 368 p.

² *Irwin R.* For Lust of Knowing: The Orientalists and their Enemies. London: Allen Lane, 2006. 416 p.

Выдающийся советский курдовед, Олег Людвигович Вильчевский (1902–1964) прожил жизнь, которая стала результатом его стремления заниматься научной деятельностью, совмещая ее с работой в интересах Советского государства на Ближнем Востоке, в том числе с военной службой. Само его происхождение располагало к поиску компромисса между двумя этими призваниями.

О. Вильчевский родился 10 мая (27 апреля — по старому стилю) 1902 г. в семье морского офицера, прокурора Военно-морского суда Кронштадтского порта. В 1921–1924 гг. обучался в Ленинградском институте живых восточных языков. Ввиду определившегося интереса к изучению курдского языка, О. Вильчевский по предложению академика Н. Я. Марра был неоднократно командирован Советом Ленинградского восточного института в Армению для изучения курдов и их языка.

В 1927–1929 гг. преподавал курдский и русский языки в созданной при Ленинградском восточном институте подготовительной группе курдов. В 1930–1932 гг. был аспирантом академика Н. Я. Марра. В 1932 г. после окончания аспирантуры зачислен научным сотрудником в Институт языка и мышления Академии наук СССР и с 1932 г. занимал должность доцента в Ленинградском государственном университете, где читал лекции по истории курдов, курдскому языку и литературе и вел занятия с аспирантами-курдоведами. Основная научная деятельность О. Вильчевского была связана с изучением курдского языка, практической работой по языковому строительству курдов СССР. За этот же период приняты три лингвистические поездки в населенные курдами районы СССР (Азербайджан, Армения, Грузия, Туркмения)¹.

Великая Отечественная война для О. Л. Вильчевского и других сотрудников-добровольцев Института языка и мышления началась 24 июня 1941 г.² Сначала оказались востребованными его навыки в служебном собаководстве³, но после ввода советских войск в Иран уже 26 января 1942 г. он был направлен на Закавказский фронт переводчиком⁴ и одним из немногих специалистов по курдскому вопросу.

Самое позднее с 1944 г. (по другим данным уже с мая 1942 г.) по 1 июля 1954 г. О. Л. Вильчевский работал инструктором-литератором в редакции персоязычной газеты «Пламя»⁵ Политического управления Закавказского

¹ Вильчевский О. Л. Стенограмма защиты диссертации «Езидские тексты», 1938 // СПбФ АРАН. Ф. 77. Оп. 2. Д. 5 Л. 44–44 об.

² Вильчевский О. Л. Личное дело, 1932–1941 // СПбФ АРАН Ф. 77. Оп. 5. Д. 318 Л. 49.

³ На Ленфронте он стал инструктором-дрессировщиком 6-го отряда собак-истребителей. См. Список защитников Ленинграда, Одессы, Севастополя и Сталинграда, работающих в Отделе кадров Политического управления Закавказского военного округа // Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 47. Оп. 995. Д. 312. Л. 15.

⁴ Приказ № 26 от 26.01.1942 // ЦАМО. Ф. 8312. Оп. 301962. Д. 38. Л. 241.

⁵ Первый номер газеты «Пламя» был распространен среди иранского населения в первый же день вступления советских войск в Иран. Цит. по: Крикунов А. Советская спецпропаганда в Иране. Как это было // Центр анализа террористических угроз (ЦАТУ), 16.07.2012 [Электронный

Военного округа¹. В этот период он занимался изучением политического и экономического положения стран Ближнего и Среднего Востока. Им написаны и опубликованы в закрытых изданиях несколько работ по государственному устройству, населению ближневосточных стран и другим специальным вопросам. Много занимался изучением курдского населения зарубежных стран и написал ряд работ по этому вопросу².

С 25 июля по 18 августа 1942 г. капитан О. Вильчевский находился в служебной командировке в Иране, во время которой имел возможность побывать во многих пунктах Иранского Азербайджана (Тавриз, Шереф-Хане, Резайе, Ушну, Негаде, Мехабад и др.) и изучить разные национальные группы, живущие в Азербайджане. Описание политической жизни и настроений населения Иранского Азербайджана вошло первоначально в «Рапорт о поездке в Иран»³.

Для составления военно-политического описания курдских районов западной части Иранского Азербайджана был собран материал, характеризующий политическое и экономическое состояние региона, подробные сведения о населяющих регион курдских племенах, взаимоотношениях их между собой и их руководителях, об особенностях классовой структуры населения, его политических и общественных интересах, литературе и прессе, положении населяющих регион азербайджанцев⁴, курдов⁵, карапахов⁶, армян⁷, ассирийцев⁸, евреев⁹. Также из-за слабой изученности региона, в особенности его южной части,

ресурс]. URL: <http://www.catu.su/analytics/330-sovetckaya-specpropaganda-v-irane-kak-eto-bylo> (дата обращения: 07.11.2020).

¹ Представление на награждение от 02.10.1944 // ЦАМО. Ф. 47. Оп. 995. Д. 319. Л. 2.

² Вильчевский О. Л. Личное дело, 1954 // Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (НА МАЭ РАН). Ф. К-1. Оп. 7. Д. 76. Л. 14.

³ Вильчевский О. Л. Рапорт о поездке в Иран, 1942 // НА МАЭ РАН. Фонд О. Л. Вильчевского (Ф. 17). Оп. 1. Д. 95. Л. 1–28.

⁴ О. Вильчевский отмечает азербайджанцев в качестве основного населения Иранского Азербайджана, в основном враждебно настроенного по отношению к Советскому Союзу. см.: Вильчевский О. Л. Рапорт о поездке в Иран, 1942. Л. 2.

⁵ Курды являлись второй по численности и политическому значению национальностью в Иранском Азербайджане. С одной стороны, они представляли довольно внушительную силу в политическом поле страны, а с другой — в период частых разногласий между курдскими вождями эта сила оказывалась раздробленной. см. Вильчевский О. Л. Рапорт о поездке в Иран, 1942. Л. 4.

⁶ Оседлые тюркские кочевники — карапахи — проживали в районе Сулдуза численностью до 3-х тысяч семейств. см.: Вильчевский О. Л. Рапорт о поездке в Иран, 1942. Л. 7.

⁷ Армянское население в Иранском Азербайджане было малочисленным, но влиятельным в политическом и культурном отношении. О. Вильчевский отмечает, что если закиточные армяне, так же как и азербайджанцы, резко отрицательно относились к Советскому Союзу, то армянские крестьяне и ремесленники не скрывали своих симпатий к СССР, более того, связывали с ним возможность своего дальнейшего существования. см. Вильчевский О. Л. Рапорт о поездке в Иран, 1942. Л. 20–21.

⁸ «Удельный вес айсоры в политической жизни Азербайджана невелик. ...В основной массе айсоры настроены определено просоветски». Цит. по: Вильчевский О. Л. Рапорт о поездке в Иран, 1942. Л. 23.

⁹ О. Вильчевский застал в районе Бане и Бокана еврейское население Мукринского Курдистана, которое говорило на курдском языке, но подробные данные о котором приводит только в машинописи. см.: Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк, 1955 // НА МАЭ РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7. Л. 59, 93–95, 142.

т. е. района Мехабата, или Мукринского Курдистана, были собраны некоторые данные по географии и истории района. В отчете О. Вильчевский подчеркивает, что «факт наличия советских войск в Иране создает совершенно исключительные и, возможно, долго не повторимые возможности военно-политического изучения Ирана, в особенности его северных провинций»¹, так как «в течение своего кратковременного пребывания в гор[одах] Резайе и Мехабате удалось достать до 20 экземпляров современных курдских книг и журналов, часть которых была специально для нас срочно доставлена из Ирака»².

Из анкеты О. Вильчевского известно, что он провел в Иране (Тегеран, Казвин, Тавриз) с 1942 по 1946 г. «в общей сложности 1 год и 6 месяцев», совершив 13 кратковременных поездок в расположение советских войск в Иране³. Принимал участие в боях в 1941–1943 гг.⁴ на Ленинградском и Кавказском фронтах.

За годы службы О. Вильчевским был подготовлен ряд аналитических работ по широкому кругу вопросов, в том числе о тегеранской прессе, иранском меджлисе, об опыте спецпропаганды в наступательных операциях и функционировании политорганов среди населения в период пребывания советских войск в Иране, а также о населении, государственном устройстве и административном делении Ирана и пр. Среди них — изданная в 1944 г. тиражом 50 экземпляров брошюра «Курды Северо-Западного Ирана»⁵, в которую вошли сведения из рапорта 1942 г. Издание представляет собой предварительную сводку имеющих военно-политическое значение сведений о курдах Северо-Западного Ирана, в том числе о мукринских курдах. Сведения были проверены и частично дополнены О. Вильчевским во время поездок в эти районы⁶. В дальнейшем, имея на руках последний сохранившийся экземпляр брошюры, которая ввиду дефицита литературы по данному вопросу представляла интерес по ряду опубликованных в ней сведений, О. Вильчевский в своем письме к Потехину И. И⁷ писал, что «посоветовал тов. Т. Аристовой в своей рецензии на ее статью по курдам Ирана⁸ шире использовать в отдельных случаях материалы данной брошюры, хотя на словах одновременно... посоветовал А. И. Першицу

¹ Цит. по: Вильчевский О. Л. Рапорт о поездке в Иран, 1942. Л. 25.

² Там же. Л. 26.

³ Цит. по: Вильчевский О. Л. Личное дело, 1954 // НА МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 7. Д. 16. Л. 7 об.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Вильчевский О. Л. Курды Северо-Западного Ирана. VII отдел Политического управления Закавказского фронта. Для служебного пользования. Экз. № 39. Тбилиси, 1944. 85 с.

⁶ Вильчевский О. Л. Письмо Потехину И. И., д-ру. ист. наук, зам. директора Института этнографии, 1956 // НА МАЭ РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 109. Л. 1.

⁷ Иван Изосимович Потехин (1903–1964) — советский учёный-африканист, доктор исторических наук, с 1949 г. заместитель директора Института этнографии, с 1959 г. — первый директор Института Африки РАН.

⁸ Статья также предназначалась для Переднеазиатского этнографического сборника. См. далее.

убрать из статьи ссылки на этот источник, как не имеющий печатного издания». Сам О. Вильчевский не считал возможным на нее ссылаться в связи с характером издания на правах рукописи с грифом «для служебного пользования»¹.

После демобилизации в 1954 г. О. Вильчевский приступил к работе в Институте этнографии Академии наук СССР. Еще через год он закончил машинопись под названием «Мукринский Курдистан»², составленную по материалам своих наблюдений и аналитических работ для Политуправления, а также на основании записей и дневников из поездок в этот район.

В 1958 г. в Переднеазиатском этнографическом сборнике был опубликован очерк «Мукринские курды»³, имеющий в своей основе машинописную версию, но в значительно переработанном виде. В предисловии к обеим работам О. Вильчевский писал: «Настоящий этнографический очерк Мукринского Курдистана составлен на основании личных наблюдений автора во время его кратковременных поездок в этот район в 1942–1946 гг., дополненных сведениями, полученными в эти же годы от мукринских курдов, в частности от покойных деятелей курдского демократического движения Кази Магомед⁴ и его брата Сафра Кази»⁵.

Несмотря на то, что работа была основана на обширных полевых исследованиях и беседах с курдской интеллигенцией, духовенством и племенной верхушкой, машинописный ее вариант практически не привлекал внимания исследователей. Об этом свидетельствуют служебные архивные листы. Наиболее плотно с материалами фонда О. Вильчевского работала курдовед О. И. Жигалина в январе 1981 г.⁶, что нашло отражение в некоторых ее работах, например в монографии «Национальное движение курдов в Иране» (1918–1947 гг.)⁷ и статье, посвященной 80-летию со дня рождения О. Вильчевского (1902–1964)⁸.

¹ Цит. по: Вильчевский О. Л. Письмо Потехину И. И. Л. 1–2.

² Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк, 1955 // НА МАЭ РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–225.

³ Вильчевский О. Л. Мукринские курды (Этнографический очерк) // Переднеазиатский этнографический сборник: Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая / [отв. ред. О. Л. Вильчевский и А. И. Першиц]. Т. 39. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 180–222.

⁴ Кази Мухаммад (курдск. *Qazî Mihemed*) (год рождения по разным источникам варьируется от 1895 до 1900–1947) — курдский политический деятель, президент Курдской Народной Республики, известной также как Курдская автономная республика (КАР), или Мехабадская Республика, которая просуществовала с 22.01.1946 по 16.12.1946.

⁵ Цит. по: Вильчевский О. Л. Мукринские курды (Этнографический очерк). С. 183.

⁶ Вильчевский О. Л. О курдском национальном движении: статья. 1950–1954 // НА МАЭ РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 6 (Лист использования документа).

⁷ Для монографии послужили 9 единиц хранения из Фонда О. Вильчевского в НА МАЭ РАН. см.: Жигалина О. И. Национальное движение курдов в Иране (1918–1947 гг.). М.: Наука, 1988. С. 162–163.

⁸ Жигалина О. И. Олег Людвигович Вильчевский и курдоведение // Иран: история и современность: сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения [отв. ред. Н. А. Кузнецова]. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1983. С. 42–46.

О. Жигалина признавала уникальность работы О. Вильчевского и, говоря о машинописи «Мукринский Курдистан» и пребывании О. Вильчевского в Мехабаде, отмечала, что он «собирает материалы... о положении в сельском хозяйстве Мукринского Курдистана»¹, и «его пребывание в Иранском Курдистане во время и после Второй мировой войны в составе частей Советской Армии дало ему возможность изучить современное состояние курдской проблемы»².

Сравнительный анализ объемов машинописи и очерка выявил, что часть уникального материала в очерк не вошла. Если машинописный текст насчитывает 223 листа, то опубликованный очерк — 47 страниц. Говоря о своей работе над последним, О. Вильчевский указывал, что в ряде случаев должен был отказаться от более глубокого анализа материалов³ и ограничиться констатацией подчас противоречивых фактов. Проведенное сопоставление машинописи и опубликованного текста показывает, что сделанные купюры и изменения часто были предприняты вовсе не из необходимости преодоления противоречий или совершенствования его стиля и структуры.

Так, в окончательную редакцию очерка не вошли большие фрагменты текста, которые касались ряда закрытых в то время тем, — своего рода тематические блоки.

Во-первых, это роль религии вообще в Мукринском Курдистане, а также отношения между суннитами и шиитами. О. Вильчевский подчеркивает уникальность Мехабада, который был основан на месте пострадавшего от наводнения Соуджбулака (курдск. *Sablax*), не только как типично курдского города⁴, но и как типично суннитского: «За исключением Мехабада города не возникали вновь, а по мере оседания курдов из существовавших ранее городов постепенно вытеснялись некурдские элементы и города превращались в курдские, сохраняя ряд черт своей прошлой жизни и развалины, относящиеся к докурдскому периоду их истории. Новое, что вносили курды в заселяемые ими города, был обязательный суннизм, соборная мечеть и весь тот комплекс черт, который отмечался выше для Мехабада, как типичного курдского города»⁵. В городе на тот период насчитывалось функционирующих 10 мечетей (только суннитские)⁶ и подчеркивалось, что «за последние 50 лет ни одной новой не построено»⁷. Речь о 1890–1940-х гг., но так как Мехабад был воздвигнут в 1935 г., сложно сказать, чем был вызван столь длительный

¹ Цит. по: Жигалина О. И. Олег Людвигович Вильчевский и курдоведение. С. 53.

² Там же. С. 54.

³ Вильчевский О. Л. Мукринские курды (Этнографический очерк). С. 183.

⁴ Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк. Л. 73–74

⁵ Цит. по: Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк. Л. 93.

⁶ Вильчевский О. Л. Мукринские курды (Этнографический очерк). С. 202.

⁷ Цит. по: Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк. Л. 76.

перерыв в строительстве культовых зданий. Возможно, причиной тому природные катаклизмы, которые нередко случались в городе и приводили к значительным повреждениям¹.

Характерной чертой жизни города была простота и демократичность, независимо от социальной и возрастной принадлежности его жителей, что особенно резко контрастировало с атмосферой подобию страстия, самоунижения и лести, присущей остальным иранским городам. Отличительными чертами общественной жизни Мехабда можно назвать пуризм и строгость нравов². О. Вильчевскому «лично мехабдацы в 1942 г. с изумлением и возмущением рассказывали, что три английских офицера, приехавшие в город, выпили весь запас алкогольных напитков Мехабда»³. Также «в противоположность современному иранскому городу с его обязательным кварталом публичных домов, в Мехабде нет ни одного дома терпимости и отсутствует проституция»⁴.

О. Вильчевский приводит поразительное наблюдение: «...курды-сунниты считают исповедующих шиизм азербайджанцев и персов еретиками (рафиз) и настолько нечистыми, что, приезжая в шиитский город, предпочитают останавливаться в христианских кварталах. Это брезгливое отношение к шиитам сохраняется в настоящее время в связи с ростом в городах современного Ирана числа винных лавок, кабаков и публичных домов. Вернувшись домой из поездки в чужой город, курд считает себя настолько опоганенным, что обязательно моется»⁵.

В своей машинописной версии О. Вильчевский анализирует «принадлежность курдов к суннитам, которая вызвана не религиозными соображениями, а политическими». Причиной тому стало нежелание признать над собой власть тюркских династий Сефевидов и Каджаров, при которых «был навязан шиизм в его наиболее изуверских формах». Примечательно, что о таком формальном причислении себя к суннитам по политическим мотивам свидетельствует тот факт, что «большинство почитаемых шейхов в Мукринском Курдистане являются шиитами»⁶.

Во-вторых, очевидно нежелание заострять внимание на знакомстве О. Вильчевского с курдскими лидерами. На подобные контакты в очерке есть только пара косвенных указаний. Между тем в машинописной версии О. Вильчевский рассказывает об обстоятельствах этих встреч весьма детально:

¹ «Из-за ливневых дождей наводнение обрушилось на г. Мехабда, в Курдистане. Пятьсот домов и базары были разрушены. Количество человеческих жертв очень велико». Цит. по: Drobne wiadomości // Dziennik Bydgoski, numer 163, 8 sierpnia 1936. [Электронный ресурс]. URL: <http://kpbc.umk.pl/Content/190423/publikacja36183.pdf> (дата обращения: 07.11.2020).

² Вильчевский О.Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк. Л. 79.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 146.

«Находясь в 1942 г. в Мехабде в гостях у Кази-Магомеда, я был поражен теми предосторожностями, которые были приняты к нашей охране ночью. Мы спали в кабинете Кази-Магомеда. В соседней небольшой комнате, посредством которой кабинет сообщается с приемным залом, находилось несколько вооруженных курдов. Сам хозяин, прежде чем лечь спать, лично проинструктировал их и, выйдя на улицу, проверил все наружные караулы вокруг дворца. На мой вопрос, каждый ли день он поступает подобным образом, Кази-Магомед ответил отрицательно и серьезно добавил: “Но сегодня вы у меня в гостях, следовательно, я отвечаю за вашу безопасность”. Я спросил хозяина: «Разве в городе небезопасно?» — и получил ответ: “Когда у человека гости, ему всегда угрожает опасность”»¹.

В очерке описание этого визита полностью² отсутствует, хотя он, безусловно, иллюстрирует осторожное начало контактов и рискованный характер самого предприятия. Мехабд находился вне советской и британских зон в Иране, на обширной нейтральной полосе. О. Вильчевскому как советскому офицеру приходилось не только заботиться о безопасности в крайне нестабильном районе, но и избегать ненужной огласки своих встреч.

Этот достаточно важный эпизод советско-курдских контактов О. Вильчевский рассмотрел в машинописи в контексте такого распространенного у курдов социального явления, как кровная месть. В связи с этим предосторожности, предпринимаемые набирающим политический вес курдским лидером Кази Мухаммадом³, были вполне оправданны.

Еще одним изъятым блоком стала информация о беседах Вильчевского с курдскими активистами, носивших разносторонний характер и подчас содержащих ценные сведения об истории российско- и советско-курдских отношений. В машинописи О. Вильчевский пишет, что Мехабдский базар был настолько крупным иранским центром по торговле пушниной, что до 1917 г. она шла на экспорт в Россию⁴. Развитие экономических отношений повлияло и на появление «идей русского демократического движения», «пути проникновения которых в курдскую среду, и в частности в Мукринский Курдистан, еще не изучены»⁵. Из общения автора и Кази Мухаммада следует, что «не последнее место занимали здесь поездки курдских купцов из Соуджбулака и “их секретарей” из числа курдской интеллигенции в Россию, в Нижний Новгород на Макарьевскую ярмарку. ...во время этих поездок прогрессивно настроенные курдские

¹ Цит. по: Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк. Л. 192.

² Вильчевский О. Л. Мукринские курды (Этнографический очерк). С. 209.

³ Кази Мухаммад (курдск. *Qazî Mihemed*) (год рождения по разным источникам варьируется от 1893 до 1900–1947) — курдский политический деятель, президент Мехабдской республики.

⁴ Цит. по: Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 45–46.

интеллигенты встречались с русскими демократами. ...Кази-Фаттах¹, который организовал сопротивление турецкой оккупации, был активным участником иранской революции и в 1907 г. организует в Соуджбулаке первый в Курдистане революционный энжумен, который энергично и последовательно защищает демократические завоевания иранской революции»².

Целый раздел в машинописи был посвящен национально-демократическому движению в Мукринском Курдистане³. В этот раздел помимо упоминания об освобождении Советской Армией народов Ирана «от фашистской опасности и ...от кровавой диктатуры Реза-шаха»⁴, краткой характеристики курдского движения в 1940-х гг. в Иране, Ираке и Турции, восстания Мустафы Барзани, образования Автономной демократической области курдов Ирана (т. е. Мехабадской республики) и становления партии «Жекаф»⁵, вошел образец листовок партии от 1944 г., распространяемых в поддержку предоставления Советскому Союзу нефтяных концессий⁶. В опубликованный очерк вошло только упоминание о существовании автономной демократической области Иранского Курдистана в контексте наличия там центра литературы на южном диалекте курманджи, а также того, что в 1942–1946 гг. там издавалась важная печатная продукция, в том числе журнал «Ништеман» («Родина») и орган Демократической партии курдов Ирана⁷ газета «Курдистан»⁸.

Машинопись «Мукринский Курдистан» в числе прочих работ была передана в Научный архив МАЭ РАН в 1964 г., после смерти ученого. Впоследствии были составлены три описи, которые вошли

¹ Кази Фаттах — соуджбулакский наследственный казий. см. Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк. Л. 45; «Как и большинство других иерархий мусульманского духовенства духовные судьи — казии — у курдов принадлежат к наследственным родам, главным из которых считается род казиев Соуджбулака». Цит. по: Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк. Л. 145.

² Цит. по: Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк. Л. 45–46.

³ Там же. Л. 209–212.

⁴ Там же. Л. 209.

⁵ О. Вильчевский ошибочно указал название партии как «Жизнь Курдистана» (курдск. «Жиина Курдистан», сокращенно ЖК или курдск. Жекаф). См.: Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк. Название этой курдской националистической организации «Комитет Возрождения Курдистана» (курдск. كۆمهله‌ی ژيانه‌وه‌ی كوردستان) звучит как «Комалай Жийанавай Курдистан», сокращенно «Комала»). Эта ошибка перекочевала в некоторые курдоведческие работы, пересекаясь с другой погрешностью: «Комала» на фарси пишется, как «Кумле» и может читаться как «Кумле». акТбыла обозначена в дипломатической переписке полпредства СССР в Иране и в донесениях ТАСС. мС.: Курды. 21 января 1947. Досье Служебного Вестника Иностранной информации. ТАСС // ГАРФ. Ф. Р4459. Оп. 27. Д. 6697. Л. 1.

⁶ См.: Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк. Л. 210.

⁷ «ЖК, представлявшая собой полуконсервативный блок ряда курдских демократических организаций, осенью 1945 г. самораспускается и подавляющее большинство ее членов входит во вновь образованную убежденным демократом и племенным патриотом Кази Магометом «Демократическую партию курдов Ирана». Цит. по: Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк. Л. 214.

⁸ Вильчевский О. Л. Мукринские курды (Этнографический очерк). С. 222.

в Фонд О. Л. Вильчевского (Ф. 17). Так как научно-техническая обработка фонда не соответствовала действовавшим правилам, единицы хранения фонда О. Л. Вильчевского в 1987 г. были переработаны, проведена систематизация рукописей, уточнены названия некоторых работ, выделены опубликованные и дублетные материалы. Проведена экспертиза ценности документов, составлен акт на уничтожение дел и документов, утративших историческую ценность⁹. После переработки материалов нумерация поменялась, количество единиц хранения составило 169.

Если по поводу уничтожения документов, «утративших историческую ценность», судить трудно — насколько оно могло быть продиктовано политическими соображениями, то относительно редактирования машинописи «Мукринский Курдистан» некоторые выводы сделать можно. Отсутствие вышеупомянутых фрагментов текста, как и наличие множества других купюр в финальной версии очерка не может быть объяснено лишь соображениями сокращения его объема для публикации в сборнике. Сделанные купюры содержат ценную информацию, а на их месте в ряде случаев в очерке присутствуют общие и малоинформативные фразы.

После написания очерка «Мукринский Курдистан» О. Вильчевский собирался расширить объем своей работы по данной теме с 15 печатных листов до 25 и продлить срок ее исполнения до 1958 г. вместо 1957 г. в рамках глобального проекта «Курды Передней Азии»¹⁰. Дальнейшая судьба проекта неизвестна, тем не менее первая (т. е. машинописная) версия очерка представляет собой довольно заверченный научный труд, написанный, по словам А. В. Черкаева¹¹, в характерной для О. Вильчевского стилистике, живой и несколько ироничной. Можно с уверенностью утверждать, что при всей дискусионности ряда фактов и суждений, приведенных в ней, это исследование заслуживало публикации в полном объеме. Примечателен и тот факт, что очерк был опубликован не отдельным изданием, а в составе сборника, а сам текст публикации подвергнут серьезным исправлениям, описанным выше. Есть основания полагать, что оба этих обстоятельства обусловлены научной и политической остротой вопросов, затронутых О. Вильчевским.

С одной стороны, внимание к религии не вписывалось в новую волну антирелигиозной политики, инициированной Хрущевым. С другой — работы по Ирану активно переводились и распространялись Обществом советско-иранской дружбы, поэтому описание межконфессиональной

⁹ Жуковская И. В., Решетов А. М. Фонды востоковедов в архиве Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН // Страны и народы Востока. М., 2010. Вып. 33. С. 215.

¹⁰ Вильчевский О. Л. Докладная записка Толстову С. П., д-ру ист. наук, директору ИЭ // МАЭ РАН Ф.17. Оп. 1. Д. 111. Л. 1.

¹¹ Андрей Всеволодович Черкаев (род. 1950) — внук О. Л. Вильчевского.

напряженности, как и само упоминание о курдских сепаратистских настроениях, не могло быть воспринято иранской стороной в позитивном ключе; кроме того, с момента вывода советского воинского контингента с территории Ирана прошло чуть более 10 лет. В 1956 г., через год после того, как О. Вильчевский закончил машинописный вариант своего очерка, шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви в очередной раз посетил СССР¹, при этом, по замечанию Дж. Паркера, обе стороны стремились к сотрудничеству², помешать которому также могла острая тематика работы ученого.

1950–1960-е гг. занимают особое место в отечественной истории. После смерти И. В. Сталина реформы коснулись не только органов партийно-государственной власти, но и организации науки. Руководство страны отводило науке значительную роль на новом этапе социалистического строительства³. Что касается социально-экономической и в меньшей степени политической истории курдов, то за острыми темами современности и новыми этнографическими изысканиями интерес к ней на некоторое время ослаб и возродился вновь лишь в связи с событиями революции 1958 г. в Ираке, когда свержение монархического режима и провозглашение Иракской Республики послужили новым толчком к развитию курдоведения⁴.

Существовавшая в то время в СССР система публикации научных работ вполне позволяла государству влиять на то, будет ли работа опубликована в принципе и в каком виде она увидит свет. В период холодной войны требования к научным публикациям ужесточились. Например, в 1963 г. статья О. Вильчевского «Некоторые вопросы национального становления курдского народа» для сборника «Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии», подготовленного сектором Передней Азии ИВ АН СССР, вызвала в Издательстве восточной литературы сомнения в целесообразности публикации, «...ибо она может встретить возражения МИД, и по рекомендации последнего Издательство направило ее на рецензию»⁵.

Несмотря на понимание О. Вильчевским проблемы и готовность переработать текст в нужном ключе, максимально сохранив при этом

¹ Укреплять добрососедские советско-иранские отношения // Правда. 25 июня 1956. № 177(13840). С. 1. [Электронный ресурс]. URL: http://virezkipress.ru/board/iran/vizit_shakhin-shakha_irana_mokhammeda_reza_pekhlevi_v_sssr_25_iiunja_13_iiulja_1956/ukrepljat_dobrososedskie_sovetsko_iranskie_otnoshenija/5-1-0-397 (дата обращения: 07.11.2020).

² Parker J. W. *Persian Dreams: Moscow and Tehran Since the Fall of the Shah*. Potomac Books Inc., 2008. P. 8.

³ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–ЦК КПСС. 1922–1991 / 1952–1958 / М.: РОССПЭН, 2010. С. 8.

⁴ Халфин Н. А. Курдская историография в СССР и некоторые ее проблемы // Вопросы истории. 1966. № 8. С. 157.

⁵ Вильчевский О. Л. Письмо Бруку С. И., д-ру геогр. наук, зам. директора ИЭ, 20.05.1963 // МАЭ РАН. Ф.17. Оп. 1. Д. 102. Л. 4.

фактический материал, система научных учреждений, в рамках которой он работал, допустила выход очерка лишь после серьезного в него вмешательства. Известно, что правку в текст вносил как сам О. Вильчевский, так и другие после согласования с ним, превратив, таким образом, очерк в максимально нейтральный и обтекаемый в политическом отношении материал. По сравнению с машинописью статья в Переднеазиатском сборнике получилась обезличенной, чего система и добивалась от советских авторов, антропологов в частности. Поэтому, оставив в качестве затравки информацию о личном участии в ряде эпизодов, автор удалил отрывки с подробностями об этих событиях. Такие изъятия снизили качество и ценность работы.

По словам А. В. Черкаева, жизненным кредо О. Л. Вильчевского было стремление к профессионализму в любой среде, где он оказывался. Поэтому ученый практически никогда не говорил о политике, о коммунизме, о Сталине. Несмотря на то, что О. Л. Вильчевский состоял в КПСС, «подобные темы его не волновали». А. В. Черкаев приводит в пример инцидент, связанный с рецензией на статью О. Вильчевского, которая подверглась критике за якобы недостаточное количество ссылок на работы В. И. Ленина. Вильчевский отреагировал на слова оппонента встречным предложением в ироничной манере: *«Я прошу Вас дать разъяснение, сколько ссылок на работы Ленина вообще требуется»*. В целом О. Вильчевский стремился отойти от политики и заниматься например XIII веком¹, говоря, что *«новейшая история, точнее ее интерпретация, является частью политики. Древняя же история более объективна; она может быть искажена исследователями, но не политиками»*².

Очевидно, что, работая в Иране как офицер советской армии и затем оформляя результаты этой своей работы в виде очерка, О. Вильчевский стремился сохранить некие стандарты научной объективности, и в то же время политическая целесообразность, как ее понимал Вильчевский, влияла на его позиции как советского ученого. Он делала ставку на профессионализм, более тонко реагируя на политическую конъюнктуру, и своевременно учитывал политический контекст, что можно проследить по характеру вносимых изменений. Действительно, влияние внешней политики СССР имеет смысл рассматривать как главный фактор эволюции текстов Вильчевского. В условиях подготовки и начала реализации политического проекта, направленного на создание на Севере Ирана курдской и азербайджанской автономий, он собрал актуальные аналитические данные в рапорте 1942 г. и практические рекомендации — в служебной брошюре 1944 г. В условиях краха курдской автономии и последующей

¹ Это подтверждается другим его профессиональным интересом к творчеству поэта Афза-ладдина Хакани. См.: *Вильчевский О. Л.* Хакани: Некоторые черты творчества и мировоззрения поэта // Советское востоковедение. 1957. № 4. С. 63–76.

² Полевой материал автора. Интервью с А. В. Черкаевым, ноябрь 2019.

неопределенности в советской политике по отношению к Ирану Вильчевский (уже покинув военную службу) решил использовать собранные сведения, чтобы сделать этнографический обзор очевидца событий в машинописи 1955 г. Но пока дело дошло до публикации, Москва взяла курс на сближение с Тегераном и отказалась от поддержки курдского сепаратизма. Результатом стало издание лишь сжатого и предельно обезличенного этнографического очерка 1958 г., который советские учреждения только и посчитали возможным выпустить в свет.

Рассмотренный случай интересен как повод для продолжения дискуссии, начатой Э. Саидом, в частности в направлении отдельного рассмотрения роли ученого, который в своей работе — даже будучи мобилизованным или нанятым на государственную службу — сохраняет некоторую субъектность. На первый взгляд, это ослабляет аргументы Э. Саида, но на самом деле лишь уточняет их, по крайней мере, применительно к советской действительности.

Литература и источники

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–ЦК КПСС. 1922–1991 / 1952–1958 / М., РОССПЭН, 2010. 1279 с.

Вильчевский О. Л. Курды Северо-Западного Ирана. VII отдел Политического управления Закавказского фронта. Для служебного пользования. Экз. № 39. Тбилиси, 1944. 85 с.

Вильчевский О. Л. Аспирант. Личное дело, 1929–1932 // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН) Ф. 222. Оп. 2. Д. 79. Л. 1–57.

Вильчевский О. Л. Личное дело, 1932–1941 // СПбФ АРАН Ф. 77. Оп. 5. Д. 318. Л. 1–50.

Вильчевский О. Л. Личное дело, 1954 // Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (НА МАЭ РАН) Ф. К-1. Оп. 7. Д. 76. Л. 5–37.

Вильчевский О. Л. Мукринские курды (Этнографический очерк) // Переднеазиатский этнографический сборник: Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая / отв. ред. О. Л. Вильчевский и А. И. Першиц. Т. 39. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 180–227.

Вильчевский О. Л. Мукринский Курдистан. Этнографический очерк, 1955 // НА МАЭ РАН. Фонд О. Л. Вильчевского (Ф. 17). Оп. 1. Д. 7. Л. 1–223.

Вильчевский О. Л. О курдском национальном движении: статья. 1950–1954 // НА МАЭ РАН Ф. 17. Оп. 1. Д. 6 (Лист использования документа).

Вильчевский О. Л. Письмо Потехину И. И., д-ра ист. наук, зам. директора Института этнографии, 1956 // НА МАЭ РАН Ф. 17. Оп. 1. Д. 109. Л. 1–2.

Вильчевский О. Л. Рапорт о поездке в Иран, 1942 // НА МАЭ РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 95 Л. 1–28.

Вильчевский О. Л. Стенограмма защиты диссертации «Езидские тексты», 1938 // СПБФ АРАН Ф. 77. Оп. 2. Д. 5 Л. 1–83.

Вильчевский О. Л. Хакани: Некоторые черты творчества и мировоззрения поэта // Советское востоковедение. М.: 1957. № 4. С. 63–76.

Жигалина О. И. Национальное движение курдов в Иране (1918–1947 гг.). М.: Наука, 1988. 168 с.

Жигалина О. И. Олег Людвигович Вильчевский и курдоведение // Иран: история и современность: сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения [отв. ред. Н. А. Кузнецова]. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1983. С. 42–64.

Жуковская И. В., Решетов А. М. Фонды востоковедов в архиве Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН // Страны и народы Востока. М., 2010. Вып. 33. С. 208–250.

Полевой материал автора. Интервью с А. В. Черкаевым, ноябрь 2019.

Курды. 21 января 1947. Досье Служебного Вестника иностранной информации. Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС) // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. Р4459. Оп. 27. Д. 6697. Л. 1–59.

Представление на награждение от 02.10.1944 // Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 47. Оп. 995. Д. 319. Л. 1–8.

Приказ № 26 от 26.01.1942 // ЦАМО Ф. 8312. Оп. 301962. Д. 38. Л. 241.

Список защитников Ленинграда, Одессы, Севастополя и Сталинграда, работающих в Отделе кадров Политического управления Закавказского военного округа // Центральный Архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 47. Оп. 995. Д. 312. Л. 15.

Укреплять добрососедские советско-иранские отношения // Правда, 25 июня 1956. Вып. 13840. № 177. С. 1.

Халфин Н. А. Курдская историография в СССР и некоторые ее проблемы // Вопросы истории. 1966. № 8. С. 154–161.

Irwin R. For Lust of Knowing: The Orientalists and their Enemies. London: Allen Lane, 2006. 416 p.

Parker J. W. Persian Dreams: Moscow and Tehran Since the Fall of the Shah. Potomac Books Inc., 2008. 438 p.

Said E. W. Orientalism. New York. Pantheon Books Publication, 1978. Xiii+368 p.

References

Akademia nauk v resheniah Politburo TsK RKP(b)–VKP(b)–TsK KPSS1922–1991 / 1952–1958 [Academy of Sciences in the decisions of the Politburo of the Central Committee of the RCP(B)-VKP(B)-CPSU] (2010). Moscow: ROSSPEN. 1279 p.

Halfin N. A. (1966). *Kurdsкая istoriografiya v SSSR i nekotorye ee problemy* [Kurdish Historiography in the USSR and Some of Its Problems]. *Voprosy istorii*. 1966. No. 8. Pp. 154–161.

Irwin R. (2006). *For Lust of Knowing: The Orientalists and their Enemies*. London: Allen Lane. 416 p.

“Kurdy”, 21.01.1947 [Kurds. 21.01.1947]. *Dosye sluzhebnoy Vestnika Inostrannoy informatsii*. Telegraph Agency of the Soviet Union (TASS). State Archive of the Russian Federation (GARF). F. P4459. Op. 27. No. 6697. Pp. 1–59.

Parker J. W. (2008). *Persian Dreams: Moscow and Tehran Since the Fall of the Shah*. Potomac Books Inc. 438 p.

Said E. W. (1978). *Orientalism*. New York. Pantheon Books Publication. 368 p.

Ukrepyat' dobrososedskie sovetsko-iranskie otnosheniya [To Strengthen Good-Neighborly Soviet-Iranian Relations]. *Pravda*, 25.06.1956. No. 177 (13840).

Vilchevsky O. L. (1929–1932). *Aspirant. Lichnoe delo* [Personal file of a post-graduate student]. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN) F. 222. Op. 2. No. 79. Pp. 1–57.

Vilchevsky O. L. (1932–1941). *Lichnoe delo* [Personal file]. SPbF ARAN F. 77. Op. 5. No. 318. Pp. 1–50.

Vilchevsky O. L. (1938). *Stenogramma zaschity dissertatsii «Yezidskiye teksty»* [Minutes of Defence of the Thesis ‘Yazidi Texts’]. SPbF ARAN F. 77. Op. 2. No. 5. Pp. 1–83.

Vilchevsky O. L. (1942). *Raport o poezdke v Iran* [Report on a trip to Iran]. NA MAE RAN (Scientific Archive of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences). Fond O. L. Vilchevskogo (F. 17). Op. 1. No. 95. Pp. 1–28.

Vilchevsky O. L. (1944). *Kurdy Severo-Zapadnogo Irana* [The Kurds of Northwestern Iran]. VII otdel Politicheskogo upravleniya Zakavkazskogo fronta. Dlya sluzhebnoy polzovaniya. Ekz. No. 39. Tbilisi. 85 p.

Vilchevsky O. L. (1950–1954). *O kurdskom natsionalnom dvizhenii* [On Kurdish National Movement]. NA MAE RAN F. 17. Op. 1. No. 6. List of the document use records.

Vilchevsky O. L. (1954). *Lichnoe delo* [Personal file]. NA MAE RAN F. K-1. Op. 7. No. 76. Pp. 5–37.

Vilchevsky O. L. (1955). *Mukrinskiy Kurdistan. Etnograficheskiy ocherk* [Mukri Kurdistan: An ethnographic essay]. NA MAE RAN F. 17. Op. 1. No. 7. Pp. 1–223.

Vilchevsky O. L. (1956). *Pismo Potekhinu I. I., d. i. n. zam. direktora Instituta Etnografii* [The Letter to Potekhin I. I., doctor of historical sciences, deputy director of the Ethnography institute]. NA MAE RAN F. 17. Op. 1. No. 109. Pp. 1–2.

Vilchevsky O. L. (1957). “Hakani: nekotorye cherty tvorchestva i mirovozzrenia poeta” [Khaqani: Some Features of the Poet’s Creativity and World-view]. *Sovetskoe vostokovedenie*. 1957. No. 4. Pp. 63–76.

Vilchevsky O. L. (1958). “Mukrinskie kurdy (Etnograficheskiy ocherk)” [The Mukri Kurds (An Ethnographic Essay)]. *Peredneaziatskiy etnograficheskij sbornik*. Trudy Instituta etnografii im. N. N. Mikluho-Maklaja. Moscow: Izdatel’stvo AN SSSR. Vol. 39. Pp. 180–222.

Zhigalina O. I. (1983). “Oleg Lyudvigovich Vilchevskiy i kurdovedenie” [Oleg Lyudvigovich Vilchevsky and Kurdish Studies]. *Iran: istoriya i sovremennost’*. Moscow. Pp. 42–64.

Zhigalina O. I. (1988). *Natsionalnoe dvizhenie kurdiv v Irane (1918–1947 gg.)* [Kurdish National movement in Iran (1918–1947)]. Moscow. 168 p.

Zhukovskaya I. V., Reshetov A. M. (2010). “Fondy vostokovedov v arhive Muzeja antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo RAN” [Fonds of Orientalists in Archival Collections of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences]. *Strany i narody Vostoka*. Vol. XXXIII. Moscow. Pp. 208–251.

Predstavlenie na nagrazhdenie, 02.10.1944 [Awards Submission of 02.10.1944]. Central Archive of the Ministry of Defense (TsAMO) F. 47. Op. 995. No. 319. Pp. 1–8.

Prikaz № 26, 26.01.1942 [Order No. 26 of 26.01.1942]. TsAMO F. 8312. Op. 301962. No. 38. P. 241.

Spisok zaschitnikov Leningrada, Odessy, Sevastopolya i Stalingrada, rabotayuschikh v Otdel Kadrov Politicheskogo upravleniya Zakavkazskogo Voennogo Okruga [List of defenders of Leningrad, Odessa, Sevastopol and Stalingrad working in the Personnel department of the Political department of the Transcaucasian military district]. TsAMO. F. 47. Op. 995. No. 312. P. 15.

“THE MUKRI KURDS” BY O.L. VILCHEVSKY: WHAT AND WHY HAS BEEN DELETED BEFORE PUBLICATION?

Abstract. The article deals with the problem of political influence on scholarship. It analyses the existing versions of an ethnographic essay by Oleg Vilchevsky, a prominent Soviet Orientalist. Alongside a published version — the ethnographic essay “The Mukri Kurds” — an author’s typescript, “Mukri Kurdistan,” has been found in the Scientific Archive of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the *Kunstkamera*) of the Russian Academy of Sciences. The first materials for this essay were collected by Vilchevsky during his journey to Iran in 1942 as he prepared a military-political description of the Kurdish regions. Before publication, the state-controlled structures removed or made the author remove from the essay a number of important thematic blocks, e. g., on interconfessional relations in Mukri Kurdistan of Iran (focusing on Mahabad), descriptions of various meetings Vilchevsky held with Kurdish activists. The paper analyses the content of this scholarly study and the problems related to the publication of the essay in the context of Vilchevsky’s participation as a Soviet military officer in the implementation of the Soviet Middle Eastern policies in 1942–1954. The author of the essay “The Mukri Kurds” apparently strived to maintain scholarly neutrality yet the facts and argumentation contained in the different variants of this study were consistently reviewed and added or omitted depending on the existing political situation. The paper raises the question about the subjectivity or autonomy of a scholar serving a government — something effectively dismissed and neglected in the work of Edward Said on the relationship between politics and scholarship in the field of Middle Eastern studies.

Keywords: USSR, Iran, Mahabad Republic, Mukri Kurdistan, Qazi Muhammad, Middle East, Kurds, Kurdish national movement, Kurdish Studies.

Angelika O. POBEDONOSTSEVA-KAYA,

Cand. Sci. (Hist.), assistant, Faculty of Asian and African Studies, Saint-Petersburg State University (7–9, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation).
E-mail: apobedonostseva@gmail.com

